

ОБ ОДНОМ «ДВОЙНОМ АВТОПОРТРЕТЕ»

Галина Павловна Михайлова

профессор Института языков и культур стран Балтии Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва)
e-mail: galina.michailova@flf.vu.lt

Аннотация. Согласно П. Рикёру, понимание своего Я во многом предопределяется текстами, знаками и символами, которые субъекту передает культура. Посредничество тех или иных культурных повествований в процессе выработки личной (творческой, в том числе) идентичности у Анны Ахматовой («зеркала», «двойничество») в научной литературе рассмотрено достаточно подробно. Портрет как фрагмент культурного пространства также является знаком идентификации в процессе самопознания. В статье рассмотрен своеобразный «двойной автопортрет» – зафиксированное Н.Я. Мандельштам устное высказывание Н.С. Гумилева о тождестве и сходстве Ахматовой и Гумилева и Элизабет Барретт и Роберта Браунинга. Созданный поэтом «двойной автопортрет» волновал Ахматову более четырех десятилетий. В процессе распознавания самой себя как творческой личности она возвращалась к нему трижды: «двойной автопортрет» присваивался, истолковывался, «перечитывался» и, в конце концов, был оспорен и даже отвергнут.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Николай Гумилев, Элизабет Барретт, Роберт Браунинг, самоидентификация.

Предлагаемое в статье краткое исследование связано с вопросом конструирования творческой субъектности и модернистского самосознания. Постановку и решение этого вопроса чаще всего связывают с анализом поэтических произведений Ахматовой: внимание уделяется как исповедальным моментам ее лирики, так и многочисленным характерным для Ахматовой поэтическим образцам, в которых лирическое «я» предстает как «сложная, неуловимая, многогранная сущность» [Harrington: 77], для определения которой поэт использует свое отражение в различных «зеркала» истории и культуры (см.: [Цивьян 1989; Тюрина; Harrington; Колчина; Михайлова 2009; Mikhailova]). Маршрут наших рассуждений будет тот же: мы обратимся к ситуации включения культурных персонажей в ахматовское переживание и осознание себя, но расположимся в несколько ином дискурсивном пространстве – в пространстве двух высказываний Николая Гумилева и Анны Ахматовой, зафиксированных их собеседниками и дневниковой записью самой Анны Андреевны.

Эти устные суждения и дневниковая заметка как единое целое, на основании которого будут сделаны определенные выводы об ахматовских путях самоосмысления и самоосуществления, мы назвали «двойным автопортретом», потому что соавтором самосознания Ахматовой выступил Николай Гумилев. Этот «двойной автопортрет» на

протяжении десятилетий подвергался «реставрации». В роли «реставратора» волею обстоятельств выступила Анна Ахматова.

Будем, «как Браунинги»

Обращение Ахматовой (особенно в годы работы над «Поэмой без Героя») к творчеству английского поэта Роберта Браунинга (Robert Browning) как источнику важных реминисценций – тема, заслуживающая отдельного разговора, который, с той или иной степенью полноты, уже состоялся [Михайлова 2003]. Здесь же обратимся к «следам» Браунинга в, скажем, «жизненном мире» Ахматовой – к тому самому «двойному автопортрету», о котором шла речь выше. В мемуарах Н.Я. Мандельштам читаем:

«К Браунингу у нее [Ахматовой] был особый интерес: когда-то Гумилев сказал ей, что они двое будут, как Браунинги, – при жизни слава досталась жене, после смерти внезапно вырос муж, а жена почти исчезла» [Мандельштам 1983: 479].

Очевидно, что Гумилев, а вслед за ним и Ахматова, проецировал свои межличностные отношения (на разных их уровнях) на отношения между Робертом Браунингом и Элизабет Барретт Браунинг (Elizabeth Barrett Browning) – поэтами и супругами.

Браунинги (Броунинги) были известны в кругах образованной России начала XX в. как наиболее яркие представители стихот-

ворной культуры Англии, наследники Кольриджа и Китса. Личности и особенностям поэзии Р. Браунинга основательную статью посвятила З.А. Венгерова¹. В одном из номеров «Северных записок» была опубликована заметка В.М. Жирмунского, предваряющая перевод Н. Гумилевым сравнительно малоизвестного произведения Браунинга «Пиппа проходит» («Северные записки» 1914, № 3, 4). В заметке подчеркивалось, что Роберт Браунинг нашел в Элизабет Барретт «предназначенную ему изначально великую любовь своей жизни» [Жирмунский: 246]. Годом ранее в тех же «Северных записках» появилась статья А. Кривинской «Любовь двух поэтов», впервые заострившая внимание на любовной истории Барретт и Браунинга [Жирмунский: 299], а в журнале «Русская мысль» была напечатана переводная статья Р. Смита «Роберт Браунинг и Елизавета Барретт. Утро их любви», содержащая «анализ переписки двух поэтов, предшествовавшей началу личных свиданий Роберта Браунинга и Элизабет Барретт» [Ионова]. Что касается творчества Барретт Браунинг, то в тезаурусе русской литературной критики начала XX в. ее самые значительные произведения: стихотворный

роман «Аврора Ли» (“Aurora Leigh”) и цикл «Сонеты с португальского» (“Sonnets from the Portuguese”) – традиционно соотносились «с биографией их автора, в особенности с обстоятельствами ее бракосочетания с поэтом Робертом Браунингом» [Ионова]. Между тем, значимость поэзии Э. Браунинг для англоязычной литературы связывается (не без оговорок) с тем, что в контексте викторианской поэзии, где образ и голос женщины подвергался репрессивной наррации, Элизабет Браунинг, наряду с Кристиной Россетти, пыталась избежать в своей поэзии мужской объективации и была одним из создателей женской литературной традиции, тяготея к женскому взгляду на мир и гиноцентричной образности.

Имя Анны Ахматовой упоминалось в одном ряду с именем Элизабет Барретт Браунинг [Тименчик: 547, 606–607] – в кругу немногих женщин, «способных сказать в поэзии свое новое слово» [Чудовский: 57]², а критики и мемуаристы неизменно вплетали в канву ее стихов ее матримониальный статус (как известно, не без подачи Н.С. Гумилева³), что послужило причиной разного рода комментариев и уточнений в записных

¹ Статья 1893 г. «Роберт Браунинг и его поэзия» (переиздания в 1897 и 1913 гг.).

² Статья опубликована в 1912 г.

³ Приведем только один пример – письмо Гумилева В.Я. Брюсову от 24 мая 1911 г., в котором он «хлопочет» о профессиональной оценке стихотворений своей жены: «Как Вам понравились стихи Анны Ахматовой (моей жены)? Если не поленились, напишите, хотя бы кратко, но откровенно. И положительное и отрицательное. Ваше мнение заставит ее задуматься, а это всегда полезно» (цит. по: [Черных: 65]).

книжках зрелой Ахматовой [Записные книжки...: 361–366, 617, 624–626].

Таков историко-литературный фон созданного Н. Гумилевым «двойного автопортрета».

Но были ли какие-либо внутренние, глубоко личные, причины для портретирования такого рода? Если присмотреться к фактам жизни английской и русской литературных пар, то можно указать на параллели внетворческого плана, которые могли обратить на себя внимание и Гумилева, и Ахматовой.

Прежде всего, это сходство жизненных ситуаций в период сватовства: длительное ухаживание претендентов на руку и сердце за потенциальными невестами, одна и та же болезнь у обеих – чахотка, долгие колебания женщин прежде чем дать согласие на брак, интенсивная добрачная переписка – сожженная русскими поэтами сразу после женитьбы и ставшая бестселлером у англичан (письма Барретт и Браунинга 1845–1846 гг. были опубликованы их сыном в 1899 г.). Но далее возможные аналогии исчерпываются, и на первый план выдвигаются различия: Браунинги прожили счастливо пятнадцать лет вплоть до ранней кончины жены – брачные отношения четы Гумилевых были непро-

должительными, полными трений и размолвок (подробнее см.: [Степанов]); жизнь Браунинга была долгой (1812–1889) – жизнь Гумилева оборвалась преждевременно и трагически (1886–1921). И, напротив, Ахматова, перенеся все невзгоды, дожила до старости (1889–1966) – Барретт же скончалась в 1861 г. в возрасте 55 лет.

Что касается вопросов профессионального характера, то отметим, что пик популярности Элизабет Браунинг пришелся на 1850-е гг., когда вышли в печать ее «сонеты» – блестящий образец лирики, посвященный любви двух поэтов. Слава Элизабет Браунинг во много раз превосходила скромную известность ее мужа¹. Становление поэтического дарования Роберта Браунинга протекало так же медленно, как и развитие стихотворного дара Николая Гумилева². Вплоть до кончины жены Браунинг имел успех у узкого круга любителей поэзии. Его поэтический слог был весьма сложен: в некотором смысле его поэзия близка *poesis docta*, и автор не считал нужным истолковывать исторические реалии, мифологические аналогии и философские вкрапления в своих текстах. В последние десятилетия жизни поэт пережил мощный творческий взлет и наконец-то был оценен

¹ Подробный анализ откликов на поэзию Барретт, в том числе и сопоставление ее творчества с творчеством Браунинг, представлен в упомянутой выше диссертации Е. Ионовой.

² «...К двадцати восьми годам он [Н. Гумилев] написал не так уж много стихов, достойных его возможностей» [Шубинский: 403].

по достоинству¹: еще при жизни было создано «Общество Браунинга» (“Browning Society”) по изучению его творчества.

Таким образом, в краткой временной перспективе артикулированное в «двойном автопортрете» авторитетное (или авторитарное?) суждение Гумилева о прижизненной и посмертной славе если не вполне соответствовало истине в отношении Браунинга, то было верным как в отношении Элизабет Браунинг, так и Анны Ахматовой.

Для того чтобы определить репутацию Ахматовой (а заодно и Гумилева) в литературных кругах и в читательской среде России в первой половине 1910-х гг., приведем мнение К.И. Чуковского:

«Кроме как в узких литературных кругах, где его любили и чттили, его личность ни в ком не вызывала сочувствия.

Этим его литературная судьба была очень непохожа на судьбу его первой жены, Анны Ахматовой. Критика сразу признала ее, стали посвящать ей не только статьи, но и книги. Он же – и это очень огорчало его – был долгое время окружен каким-то злорадным молчанием» [Чуковский: 298].

Остановимся пока на этом и скажем, что на определенном этапе личностного становления и творческого развития Ахматовой созданный

Гумилевым «двойной автопортрет» казался ей вполне адекватным и приемлемым. В доказательство приведем вариацию высказывания Гумилева:

«К литературному успеху она *сначала отнеслась равнодушно и верила* (sic!) Гумилеву, что их ожидает судьба Браунингов – при жизни известностью пользовалась жена, а после смерти она сошла на нет, а прославился муж» [Мандельштам 2008: 167] (курсив наш. – Г. М.).

Однако подобная модель взаимоотношений, некий двусторонний договор о славе не выдержали испытание временем. Гумилев встал во главе новой поэтической школы и к моменту своей гибели был известным поэтом, литературным критиком, переводчиком, издателем, организатором писательского литературного быта. Затем наступили десятилетия насильственного забвения в отечестве, и только с конца 1980-х гг. личность и творчество Гумилева получили в России широкое признание. Слава (в официальной, элитарной или андеграундной ее вариациях) Ахматовой не меркла никогда.

«...Тем она и плоха, что очень уж на него похожа»

Сложные отношения оппозиции и идентификации с Браунингами, заложенные Гуми-

¹ См., к примеру, письмо Браунинга от 21 октября 1867 г. по случаю получения им ученого звания Магистра Оксфордского университета и почетного Члена Баллиотского колледжа (Honorary Fellow of Balliol College) [Orr: 402].

левым, продолжали интересоваться и тревожить Ахматову. После смерти Гумилева она взяла на себя функции не столько «хранителя», сколько «реставратора» («реконструктора»?) «двойного автопортрета». Со второй половины 1920-х гг. Ахматова, отношения которой с бывшим мужем и организатором Третьего Цеха поэтов были далеки от идеальных [Шубинский: 580–581], начала собирать материалы о Гумилеве, а с осени 1962 г. она – безусловный поэтический авторитет и классик – взялась за написание своей версии его жизни и творчества. Ее заметки «Самый непрочитанный поэт»¹ нацелены не только на оглашение своего представления о Гумилеве и полемику с интерпретациями фактов его биографии и творчества, но и на экспликацию собственного самосознания и самосозидания – независимого и отдельного от Гумилева.

«Реставрация» «автопортрета» началась еще раньше. К 26 февраля 1939 г. относится следующая запись Л.К. Чуковской:

«Была у Анны Андреевны – заносила билет.

Знаете, я перечла *m-me Browning*. Что-то не понравилась она мне. Муж всегда тянул одну-единственную ноту, но виртуозно... А она... может быть, тем она и плоха, что очень уж на него похожа» [Чуковская: 21].

Если использовать психолитературную терминологию Г. Блума, то акт присвоения аналогии с английскими поэтами завершился. Ахматова приступила к акту «перечитывания» поэтов-предшественников во имя высвобождения из тождества, навязанного «двойным автопортретом». В процитированном выше высказывании Ахматовой 1930-х гг. проступают интонации слухов о творческом поединке, отзвуки мнений о творческой зависимости и эхо споров о степени оригинальности – все многоголосие литературного быта и нравов, которое окружало Гумилева и Ахматову еще при жизни первого. До конца дней Ахматова корректировала эту тему в нужном ей русле. Вот дневниковые записи Ахматовой 1960-х гг.:

«...я отстаивала себя. Мне тоже надо было остаться самой собой, а не стать ученицей, мироносицей и т. д.»;

«...весь мой протест ...было инстинктивное желание сохранить себя, свой путь в искусстве, свою индивидуальность. Действитель[но] поразительно, как девочка, 10 л[ет] находившаяся в непосредственной близости от такого властного человека и поэта, наложившего свою печать на несколько поколений молодых, ни на минуту не поддавалась его влиянию...»;

« [Гумилев] не оказал ни малейшего влияния на девочку, которая была с ним рядом, и к которой он

¹ Подготовленные к публикации К.Н. Суворовой (вступ. заметка, сост. и примеч. В.А. Черных), они впервые были напечатаны в журнале «Новый мир» в 1989 г.

был привязан так долго огромной трагической любовью (а м. б., именно потому)» [Записные книжки: 233, 272–273, 625].

В отредактированном Ахматовой «двойном автопортрете» скрыто и иное: она обвиняет Элизабет Браунинг в том, что та не сдвинулась с той точки самопонимания, когда отражение себя в другом (чужом) делает возможным знакомство с самим собой [Цивьян 2001: 12]. Ахматова медленно, но верно уходила от такого рода человеческой и поэтической самоидентификации. В доказательство приведем фрагмент письма Гумилева от 9 апреля 1913 г.:

«Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину» [Гумилев: 236].

В этом фрагменте интересны два момента: позиция Гумилева и обозначенная им позиция Ахматовой. Женщина для Гумилева выступает как *Другой* мужчины – зеркало его мужественности, включающей и творческую энергию. Ахматова же отступила («ты не любишь и не хочешь понять это») от этого весьма распространенного в творческой

элите Серебряного века конструирования «самости»¹ – от нормативно-ролевой модели, предлагаемой местом и временем. В отличие от Зинаиды Гиппиус или Лили Брик, она не была ни центром, ни в эпицентре публичного литературного пространства. Выйдя замуж и родив ребенка, отказалась свести свою жизнь к долгу жены и к обязанностям матери (в отличие, скажем, от Елены Гуро, Марины Цветаевой или Аделаиды Герцук). Пренебрегла женской ипостасью жизнетворческого акта (в той или иной степени успешно реализованной, к примеру, Лидией Зиновьевой-Аннибал, Любовью Менделеевой и Елизаветой Дмитриевой). И отреклась, как видим, от роли ведомого персонажа в творческом и любовном союзе, будь то союз в стиле Владимира Соловьева или в стиле Браунингов. Ретроспективно все стереотипы женского Ахматова осознала как препятствие к осуществлению собственной судьбы.

Выражаясь метафорически, «реставратор» Ахматова освобождает созданный Гумилевым «двойной автопортрет» от наслоений времени – правды и неправды прошлого, от того, что портит впечатление и мешает видеть истинный тон картины.

На очередном витке судьбы гумилевское пророчество больше интересует ее с поэтологической точки зрения. В записанной Чу-

¹ Приведем высказывание Вяч. Иванова, касающееся смирившейся с ролью «негатива» Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: «Друг через друга нашли мы – каждый себя. И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней» [Михайлова 1994].

ковской реплике эксплицированы ахматовские эстетические пристрастия и антипатии. Растождествив себя с Элизабет Браунинг, Ахматова, думаем, берется за другой инструмент самопознания – за Роберта Браунинга. И здесь обратимся к третьему и последнему самовыражению Ахматовой на траектории Ахматова – Гумилев – Элизабет и Роберт Браунинги.

«Я какой-то анти-Браунинг»

В записи, сделанной Ахматовой в 1964 г. Элизабет Браунинг вообще исключена из «двойного автопортрета»:

«Я какой-то анти-Браунинг. Тот всегда говорит от другого лица, за другое лицо. Я не даю сказать ни слова никому (в моих стихах, разумеется). Я говорю от себя, за себя все, что можно и чего нельзя» [Записные книжки...: 476].

В центре записи – имя собственное, маркированное мощным префиксом противостояния – «анти-Браунинг». Авторская саморефлексия связана с противопоставлением субъектной организации поэзии Браунинга (стихотворные монодрамы) прямому лирическому высказыванию в собственной лирике¹. Одновременно перед нами утверждение через отрицание, потому что важнейшая ха-

рактеристика, которая приложима к ахматовской поздней поэзии – растворенность событий прошлой жизни (как состоявшихся, так и возможных) «в мгновении настоящего» – абсолютно тождественны художественным принципам Браунинга, у которого монологи героев – своеобразные «пятые акты»: в них актуализированы ситуации и персонажи из их прошлого. В этой поздней записи Ахматовой утрачен «красочный слой» «двойного автопортрета» кисти Николая Гумилева: почти все его смысловые оттенки поблекли, а в места утраты введены новые тонировки и мазки – интонации самоутверждения и (посредством сравнения и негации) включения себя и своего творчества в контекст европейской поэтической культуры.

Разворот «двойного автопортрета» Ахматовой и Гумилева на оси времени показал, что предложенная Гумилевым форма самоидентификации оспаривалась Ахматовой чуть ли не с самого начала. «Реставрационная работа», проведенная ею, сводилась к достижению и утверждению себя как полноценного творческого субъекта. Записанная Л.К. Чуковской реплика Ахматовой 1939 г. и особенно собственная заметка Ахматовой 1960-х гг. носят специфический авторефлексивный характер: в них фиксируются не вопросы славы (поэтического бессмертия), а пробле-

¹ Объяснение ахматовской номинации Браунинга («анти-Браунинг») наличием «Браунингской энциклопедии» (Нью-Йорк, 1897), растолковывающей тексты поэта, не представляется исчерпывающим. См.: [Коваленко: 316].

мы творческого письма и приемов самовыражения. Как имманентный анализ поэзии и прозы Ахматовой, так и контекстуальный подход к ее текстам (включая дневниковые записи и письма) показывают, что точками притяжения и отталкивания при решении этих проблем становятся самые «респектабельные» фигуры мирового литературного процесса – Гораций, Данте, Шекспир, Шелли, Элиот, Джойс, Кафка¹. Именно в этот ряд вписаны личность и творческое наследие Роберта Браунинга, не имеющее на себе (в отличие от Элизабет Браунинг) никакой гендерной маркировки.

Литература

Гумилев, Н. Сочинения. В 3 тт. Т. 3. М.: Худож. литература, 1991.

Жирмунский, В.М. Роберт Браунинг (Заметка) // Жирмунский, В.М. Из истории западноевропейских литератур. Л.: «Наука», 1981. С. 246–248.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. К.Н. Суворова. Москва – Torino: РГАЛИ, Giulio Einaudi editore, 1996.

Ионова, Е.Л. Русская рецепция поэзии Элизабет Баррет Браунинг. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-retseptsiya-poezii-elizabet-barret-brauning> (дата обращения: 4.01.2019).

Коваленко, С.А. Комментарии // Петербургские сны Анны Ахматовой. Поэма без героя (Опыт реконструкции текста) / Сост. С. А. Коваленко. СПб: ООО «Издательство «Росток», 2004. С. 299–363.

Колчина, Ж.Н. Художественный мир А.А. Ахматовой: мифопоэтика. Жизнетворчество. Культура. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyimir-aa-akhmatovoi-mifopoetika-zhiznetvorchestvo-kultura> (дата обращения: 23.03.2015).

Мандельштам, Н.Я. Вторая книга. Изд. 3-е. Париж: YMCA-PRESS, 1983.

Мандельштам, Н.Я. Об Ахматовой. Изд. 2-е, исправл. М.: Три квадрата, 2008.

Михайлова, Г.П. «Миф о поэте» Анны Ахматовой в западноевропейском литературном контексте: интертекстуальный анализ // Respectus Philologicus. Mokslo darbai. Kaunas: VU KHF. 2003. № 3 (8). С. 13–36.

¹ Перечисление всех исследований разной степени точности и полноты, в которых отмечены точки соприкосновения Ахматовой с «вершинами» мировой литературы, заняло бы слишком много места. Поэтому здесь назовем лишь некоторые имена авторов: В.Н. Топоров, Р.Д. Тименчик, Т.В. Цивьян, В.В. Мусатов, Г.М. Темненко, М.Б. Мейлах, М.В. Серова, О.Е. Рубинчик, Л.Г. Панова, Ж. Нива, О. Ронен и др.

Михайлова, Г.П.. Ахматова в поисках самости // *Literatūra (Vilniaus universiteto mokslo darbai)*. 2009. № 51(2). С. 73–89.

Михайлова, М.В. Страсти по Лидии // *Преображение: русский феминистский журнал*. 1994. № 2. С. 144–156. [Электронный ресурс] URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/mihailrddd.htm> (дата обращения: 1.07.2014).

Степанов, Е. Последние неакадемические комментарии – 4. // *Toronto Slavic Quarterly*. 2007. № 22 [Электронный ресурс]. URL: sites.utoronto.ca/tsq/22/stepanov22.shtml (дата обращения 4.01.2019).

Тименчик, Р.Д. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. В 2 тт. Изд. 2-е, испр. и расшир. Москва – Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2015. Т. 2.

Тюрина, И.И. Поэтика отражений в лирике А. Ахматовой («Северные элегии», «Полночные стихи») // *Вестник Томского гос. педагогического ун-та*. 2006. № 8. С. 93–98.

Цивьян, Т.В. Кассандра, Дидона, Федра // *Литературное обозрение*. 1989. № 5. С. 29–33.

Цивьян, Т.В. Семиотические путешествия. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 9–13.

Черных, В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Индрик», 2008.

Чудовский, В. По поводу стихов Анны Ахматовой // *Анна Ахматова: pro et contra*. Антология. / Сост. С.А. Коваленко. В 2 тт. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. Т. 1. С. 57–65.

Чуковская, Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 тт. М.: Согласие, 1997. Т. 1.

Чуковский, К.И. Воспоминания о Николае Гумилеве // *Николай Гумилев. Pro et contra*. Личность и творчество Н. Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. Ю.В. Зобнин. 2-е изд. СПб: РХГИ, 2000. С. 286–304.

Шубинский, В. Зодчий. Жизнь Николая Гумилева. М.: Изд-во АСТ, 2014.

Harrington, A. (2006). *The Poetry of Anna Akhmatova: Living in Different Mirrors*. London: Anthem Press.

Mikhailova, G.P. (2015). Reading Akhmatova: on the Pathway to Finding Self. *Humanities & Social Sciences 7. Journal of Siberian Federal University*, 8, 1405–1418.

Orr, S. (1892). *Life and Letters of Robert Browning*. In 2 vol. Vol. 2. Boston; New York: Houghton, Mifflin & Company.

References

Gumilev, N.S. (1991). *Sochineniia v 3 t.* [Works in 3 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatūra. Vol. 3.

Harrington, A. (2006). *The Poetry of Anna Akhmatova: Living in Different Mirrors*. London: Anthem Press.

Chernykh, V.A. (2008). *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova]. Moscow: INDRIK Publ.

Chudovskii, V. (2001). Po povodu stikhov Anny Akhmatovoi. *Anna Akhmatova: pro et contra. Antologiya*. V 2 t. / Sost. S.A. Kovalenko. [Anna Akhmatova: pro et contra. Anthology. In 2 vol. / Comp. by S.A. Kovalenko]. St. Petersburg: RKhGI Publ. Vol. 1, 57–65.

Chukovskaia, L.K. (1997). *Zapiski ob Anne Akhmatovoi v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova. In 3 vol.]. Moscow: Soglasie Publ. Vol. 1.

Chukovskii, K.I. (2000). Vospominaniia o Nikolae Gumileve [Memories of Nikolai Gumilev]. *Nikolai Gumilev. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo N. Gumileva v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei*. Antologiya / Sost. Ju.V. Zobnin. [Nikolai Gumilev: Pro et contra. Personality and Creativity of N. Gumilev in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers. Anthology / Comp. by Ju.V. Zobnin]. 2nd ed. St. Petersburg: RKhGI Publ., 286–304.

Ionova, E.L. (2013). *Russkaia retseptsiiia poezii Elizabet Barret Brauning*. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [Russian reception of poetry by Elizabeth Barrett Browning: thesis for a candidate degree in philological sciences]. Saratov. Retrieved from: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-retseptsiya-poezii-elizabet-barret-brauning> (data of access: 4.01.2019).

Kovalenko, S.A. (2004). Kommentarii [Comments]. *Peterburgskie sny Anny Ahmatovoj. «Pojema bez geroja» (Opyt rekonstrukcii teksta)* [Anna Akhmatova's St. Petersburg dreams. "Poem

without a Hero" (Experience of reconstruction of the text)]. St. Petersburg: "Rostok" Publ.

Kolchina, Zh.N. (2007). *Khudozhestvennyi mir A.A. Akhmatovoi: Mifopoetika. Zhiznetvorchestvo. Kul'tura: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. [A.A. Akhmatova's artistic world: Mythopoeitics. Life and Creativity. Culture: author's abstract of candidate of philology thesis]. Ivanovo. Retrieved from: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-mir-aa-akhmatovoi-mifopoetika-zhiznetvorchestvo-kultura> (data of access: 23.03.2015).

Mandelstam, N.Ia. (1983) *Vtoraia kniga* [The Second Book]. 3th ed. Paris: IMCA-PRESS.

Mandelstam, N. (2008). *Ob Akhmatovoi* [About Akhmatova]. 2nd upd. ed. Moscow: "Tri kvadrata" Publ.

Mikhailova, G.P. (2003). "Mif o poete" Anny Akhmatovoi v zapadnoevropeiskom literaturnom kontekste: intertekstual'nyi analiz ["Myth of poet" by Anna Akhmatova in context of European literature: intertextual analysis]. *Respectus Philologicus*. Scientific papers. Kaunas: VU KHF Publ. 3 (8), 13–36.

Mikhailova, G.P. (2009). Akhmatova v poiskakh samosti. [Akhmatova in search of self]. *Literatūra*: Vilnius University scientific papers, 51 (2), 73–89.

Mikhailova, G.P. (2015). Reading Akhmatova: on the Pathway to Finding Self. *Humanities & Social Sciences 7. Journal of Siberian Federal University*, Vol. 8, 1405–1418.

Mikhailova, M.V. (1994). Strasti po Lidii [Lidia passions]. *Preobrazhenie: russkii feministskii zhurnal* [Transfiguration. Russian feminist magazine], 2, 144–156. Retrieved from: http://az.lib.ru/z/zinowxewaannibal_1_d/text_0020.shtml (data of access: 1.07.2014).

Orr, S. (1892). *Life and Letters of Robert Browning*. In 2 vol. Boston; New York: Houghton, Mifflin & Company. Vol. 2.

Shubinskii, V. (2014). *Zodchii. Zhizn' Nikolaia Gumileva*. [The Architect. Life of Nikolai Gumilev]. Moscow: ACT Publ.

Stepanov, E. (2007). Poslednie neakademicheskie kommentarii – 4 [Recent non-academic comments – 4]. *Toronto Slavic Quarterly*, 22. Retrieved from: sites.utoronto.ca/tsq/22/stepanov22.shtml (data of access: 4.01.2019).

Suvorova, K. (1996). *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi* (1958–1966) [Anna Akhmatova's notebooks (1958–1966)]. Moscow – Torino: Giulio Einaudi.

Timenchik, R. (2014). *Poslednii poet. Akhmatova v 1960-e gody. V 2 t.* [The last poet: Akhmatova in the 1960s. In 2 vol.]. 2nd

upd. and enl. ed. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury, Gesharim Publ. Vol. 2.

Tiurina, I.I. (2006). Poetika otrazhenii v lirike A. Akhmatovoi (“Severnye ellegii”, “Polnochnye stikhi”). [Poetics of reflections in A. Akhmatova's lyrics (“Northern elegies”, “Midnight verses”)]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 8, 93–98.

Tsiv'ian, T.V. (1989). Cassandra, Didona, Fedra. Antichnye geroini – zerkala Akhmatovoi. [Cassandra, Dido, Phaedra. Antique heroines – the mirrors of Akhmatova]. *Literaturnoe obozrenie*, 5, 29–33.

Tsiv'ian, T.V. (2001). *Semioticheskie puteshestviia*. [Semiotic travels]. St. Petersburg: Publishing house of Ivan Limbakh.

Zhirmunsky, V.M. (1981). Robert Brauning (Zametka) [Robert Browning (The Note)]. *Zhirmunsky, V.M. Iz istorii zapadnoevropeiskikh literatur* [From the history of Western European literature]. Leningrad: “Nauka” Publ, 246–248.

ABOUT ONE “DOUBLE SELF-PORTRAIT”

Galina P. Mikhailova, PhD, Full Professor Vilnius University, Vilnius, Lithuania; e-mail: galina.michailova@flf.vu.lt.

Abstract. According to Paul Ricoeur self-understanding is largely predetermined by the texts, signs, symbols that culture sends to the subject. As for the mediation of certain cultural narratives in the process of developing personal (including creative) identity in Anna Akhmatova’s works, this phenomenon is usually called “mirrors” or “duplication”. Portrait as a fragment of cultural space is also a sign of identification in the process of self-discovery. The article describes a kind of “double self-portrait” – Nikolai Gumilev’s oral statement recorded by N. Mandelstam about the identity and similarity of Akhmatova and Gumilev as well as Elizabeth Barrett and Robert Browning. “Double self-portrait” created by the poet agitated Akhmatova more than four decades. In the process of recognizing herself as a creative person, she returned to it three times: “double self-portrait” was appropriated, interpreted and “re-read” and, finally, was challenged and even rejected.

Key words: Anna Akhmatova. Nikolai Gumilev, Elizabeth Barrett, Robert Browning, self-identification.

